

Н.А.МОРОЗОВА

А.С.МАКАРЕНКО

СЕМИНАРИЙ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Н. А. МОРОЗОВА

А. С. МАКАРЕНКО

СЕМИНАРИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Семинарий посвящен творчеству А. С. Макаренко. В книге дается обзор критической литературы, хронологическая канва жизни и литературно-педагогической деятельности писателя, а также темы для самостоятельных работ с основной библиографией.

Семинарий предназначается для студентов филологических и литературных факультетов, преподавателей советской литературы и для широкого круга читателей, интересующихся творчеством А. С. Макаренко.

Ответственный редактор
доцент А. Г. Дементьев

ВВЕДЕНИЕ

Антон Семенович Макаренко принадлежит к числу лучших сыновей нашей Родины. Жизнь свою он отдал борьбе за счастье народа. «Удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается», — писал ему М. Горький.¹

Педагогическая и литературная деятельность Макаренко рождена Октябрьской революцией, одухотворена ленинскими идеями коммунистического воспитания молодежи и неразрывно связана с политикой партии по воспитанию кадров строителей социализма.

Важнейшее государственное и партийное дело коммунистического воспитания молодежи Макаренко считал своим личным делом. За него педагог-новатор боролся в созданных им коллективах колонии имени Горького и коммуны имени Дзержинского, за него он боролся как теоретик и публицист, ему он отдал и свой дар художника.

Его «Педагогическая поэма», являющаяся одним «из наиболее значительных и вдохновенных литературных памятников нашего времени»², вошла в золотой фонд советской литературы.

Связанные с великими традициями русской литературы XIX в., с традициями основоположника советской литературы А. М. Горького, книги Макаренко являются выдающимися произведениями социалистического реализма. Вслед за Горьким Макаренко решал вопросы воспитания в широком философском и социальном плане.

Вместе с тем его литературное наследие отличается большим своеобразием: в нем нерасторжимы поэзия и педагогика. В произведениях Макаренко суровая жизненная правда сочетается с высокой романтикой. Его книги учат находить идеалы добра и красоты в борьбе за счастье народов, в борьбе за коммунизм.

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, ГИХЛ, М., 1955, стр. 472.

² «Правда», 2 апреля 1939 г.

Вот почему они являются любимыми книгами передовых людей всех стран.

Жизнь подтвердила правоту Горького, считавшего, что «педагогический эксперимент» Макаренко имеет «мировое значение».¹

О Макаренко — педагоге-художнике имеется значительное количество работ: книг, журнальных и газетных статей. Его педагогические идеи дважды были предметом дискуссий. Несмотря на это, всестороннее изучение педагогического и литературного наследия Макаренко является важнейшей задачей как педагогики, так и литературоведения.

Настоящий Семинарий посвящен Макаренко-художнику. Предназначается он для студентов филологических и литературных факультетов, преподавателей советской литературы и для широкого круга читателей, интересующихся творчеством А. С. Макаренко.

Созданный по типу ранее вышедших семинариев, Семинарий по творчеству А. С. Макаренко состоит из следующих разделов:

I. Изучение жизни и литературно-педагогической деятельности А. С. Макаренко (критико-библиографический обзор).

II. Основные даты жизни и творчества А. С. Макаренко.

III. Темы для самостоятельных работ (с основной библиографией).

Автор выражает благодарность членам кафедры советской литературы Ленинградского университета за ценные замечания и советы, данные при обсуждении рукописи этой книги.

Работа над Семинарием закончена в мае 1956 г.

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 30, стр. 282.

І. ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. С. МАКАРЕНКО

(Критико-библиографический обзор)

1925—1939 гг.

Первые литературные опыты А. С. Макаренко относятся к дооктябрьскому периоду. Еще в юношеские годы он пробовал писать стихи и рассказы, но это были слабые ученические вещи. Сам писатель считает началом своего творческого пути 1914 г., когда был написан рассказ «Глупый день»,¹ раскритикованный А. М. Горьким. Ни самого рассказа, ни подробных сведений о нем не сохранилось.

В послеоктябрьский период (в 1925 г.) Макаренко создает «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького», ставший известным только в 1952 г. в связи с выходом 7 тома его Сочинений. В том же году А. С. Макаренко приступает к работе над «Педагогической поэмой», вышедшей в свет в 30-е годы. Таким образом, справедливы слова, сказанные писателем: «... я очень много над собой работал и, собственно говоря, всю жизнь готовился к писательской работе».² За длительным периодом подготовки Макаренко к писательской деятельности следовал кратковременный, но чрезвычайно интенсивный период его литературной работы.

Все основное творчество А. С. Макаренко протекало в границах одного исторического этапа в развитии советского государства — периода предвоенных пятилеток, когда особенно важны были вопросы коммунистического воспитания молодежи и подготовки кадров строителей социализма.

А. С. Макаренко вошел в советскую литературу при горячей и активной поддержке Алексея Максимовича Горького. Горький открыл советской общественности педагога Макаренко.

¹ Точная дата написания неизвестна: иногда Макаренко относит создание рассказа к 1915 г.

² А. С. Макаренко. Соч., т. 7. Изд. АПН РСФСР, М., 1952, стр. 157. (В дальнейшем все ссылки на произведения Макаренко даются по Сочинениям в 7 томах, изд. АПН РСФСР, М., 1950—1952).

«Педагогическая поэма» вышла в свет при его непосредственном участии. Часть I «Педагогической поэмы» была опубликована в третьем альманахе «Год XVII» («Советская литература», М., 1933, стр. 59—218); часть II — «Год XVIII» (альманах пятый, ГИХЛ, М., 1935, стр. 5—168); часть III — «Год XVIII» (альманах восьмой, ГИХЛ, М., 1935, стр. 130—337).

Горький читал в рукописи и редактировал все три части. Но нити, связывающие его с А. С. Макаренко, восходят еще ко времени первой русской революции. В творчестве Горького — «бурелгашающая» революции — молодой учитель Макаренко находил мысли и идеи, оплодотворяющие его педагогическую работу. К Горькому обратился он за советом и помощью, когда почувствовал склонность к литературному творчеству. На всю жизнь он запомнил, как сурово, а вместе с тем и дружески, оценил Горький его рассказ «Глупый день»: «Рассказ интересен по теме, но написан слабо, драматизм переживаний пона неясен, не написан фон, а диалог неинтересен. Попробуйте написать что-нибудь другое».¹ Прямая и справедливая оценка, данная Горьким, помогла Макаренко понять, как много надо работать над собой, чтобы сделаться писателем.

Когда в 1920 г. А. С. Макаренко принялся за совершенно новое для России дело — организацию трудовой колонии для беспризорных и правонарушителей, — именно в Горьком нашел он друга, шефа и учителя.

Горький первый высоко оценил его педагогическую работу,² горячо одобрил педагогические искания. Он воссоздал облик Макаренко как педагога-новатора в очерке «По Союзу Советов».

Горьковские оценки литературно-педагогической деятельности Макаренко, содержащиеся в письмах и в очерке, имеют решающее значение для определения эстетической и культурной ценности макаренковского наследия. Хотя их переписка при жизни Макаренко не была опубликована, тем не менее нельзя начать обзор, минуя ее, поскольку она сыграла важную роль в развитии писателя. Она продолжалась десять лет (1925—1935 гг.).³

¹ Письмо А. М. Горького с оценкой рассказа «Глупый день» не сохранилось. Но Макаренко запомнил его слово в слово и повторял неоднократно. См.: А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 340.

² В 1924 г., за год до того, как началась переписка Макаренко с Горьким, в Харьковском областном издательстве вышла книга о жизни колонии им. А. М. Горького, однако имя заведующего не упоминалось: Маро (М. И. Левитина). Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР. Изд. «Труд», Харьков, 1924, стр. 61—77.

³ Первая публикация писем Горького к Макаренко была помещена в кн.: А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. 5-е издание. Изд. «Советский писатель», М., 1940. Часть переписки была опубликована в «Учительской газете» от 19 июня 1946 г. В наиболее полном виде переписка (21 письмо Макаренко к Горькому и 16 писем Горького к Макаренко) помещена в Известиях АПН РСФСР, вып. 38, М., 1952, стр. 230—268; а также в кн.: А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 355—416. Более точные тексты писем Горького к Макаренко см. в кн.: М. Горький. Собр. соч., тт. 29, 30.

Письма А. М. Горького и А. С. Макаренко 20-х годов касаются по преимуществу педагогических вопросов.

В своем первом письме к Горькому Макаренко кратко описал историю колонии, поделился ее достижениями и раскрыл огромную внутреннюю связь, которая существует между колонистами и Горьким.

Горький горячо отозвался на письмо Макаренко: благодарил его, просил прислать отчет и фотокарточки, предлагал свою помощь. В заключение он написал: «Мне очень хотелось бы быть полезным колоний. Передайте мой сердечный привет всем колонистам. Скажите им, что они живут во дни великого исторического значения, когда особенно требуется от человека любовь к труду, необходимому для того, чтоб построить на земле новую, свободную, счастливую жизнь. Привет работникам, это всегда — самые великие герои в истории человечества, в деле, цель которого — свобода и счастье!» (19 июля 1925 г.).¹

Слова привет, переданные Горьким колонистам и воспитателям, вызвали радость коллектива. Они вдохнули в Макаренко новые силы. Это хорошо выразил он сам: «А теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который держали и Вы, и когда мы услышали Ваши слова, обращенные к нам, о свободной и счастливой жизни, нас сам чорт не брат. Ваше шефство для нас большое счастье и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам» (август 1925 г.).²

Переписка показывает, что Горький относился к Макаренко с огромным уважением. Их отношения не были отношениями учителя и ученика, скорее их можно назвать содружеством. Макаренко подробно делился своими педагогическими «находками». Так, в одном из писем он рассказал о существующем в колонии правиле не интересоваться прошлым колониста, о той «деликатности», которая сразу устанавливается по отношению к колонисту, как только последний переступает порог колонии. Он отмечал огромный эффект такого воспитательного подхода.

Горький его горячо одобрил: «То, что Вы сказали о „деликатности“ в отношении к колонистам, и безусловно правильно и превосходно. Это — действительно система перевоспитания, и лишь такой она может и должна быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вреден.» (17 августа 1925 г.).³

Макаренко высоко ценил и разделял оптимистическую веру Горького в человека, его желание научить с надеждой и радостью смотреть в будущее.

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 435—436.

² А. С. Макаренко. Соч., т. 7, стр. 363—364.

³ М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 437—438.

Постоянная моральная поддержка Горького способствовала росту Макаренко-педагога, стимулировала его творческую активность. В значительной мере она укрепила его в решении идти на смелый и рискованный шаг: взятие Куряжа.

Горький приветствовал творческую смелость Макаренко и поздравлял колонистов с переездом на новое место: «Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам! Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно. Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избороздили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полужвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни. Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтоб она обогатила землю еще большими чудесами» (3 июня 1926 г.).¹

Это письмо сыграло большую роль в борьбе А. С. Макаренко и его коллектива с куряжской анархией.

В письмах Горького 20-х годов содержатся лаконичные, но очень выразительные оценки Макаренко как педагога и гражданина. Горький высказывал свое «искреннейшее... уважение» за его «умный, прекрасный труд» (17 августа 1925 г.).²

В годы тяжелой борьбы с украинскими наркомпросовцами Макаренко всячески оберегал Горького от излишнего беспокойства. Он не хотел втягивать его в эту борьбу. Горький это отлично чувствовал: «... очень взволнован и огорчен Вашим последним письмом! Сожалею, что Вы не сообщили о неприятностях, Вами переживаемых, в самом начале их; объясняю это Вашей удивительной деликатностью в отношении ко мне, Вашим нежеланием „беспокоить меня“» (17 марта 1928 г.).³

Но вместе с тем он и не мог не восхищаться таким человеком: «Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила. Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю... Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И — позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь. Вашу гордость борца за свое дело я тоже понимаю, очень понимаю! Но ведь дело это как-то связано со мною, и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи» (9 мая 1928 г.).⁴

Известно, что даже тогда, когда тучи нависли над Макаренко, он сохранил свойственную ему «гордость бойца». Коллектив ра-

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 468.

² Там же, стр. 438.

³ Там же, т. 30, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 94—95.

достойно встретил Горького, а после его проводов Макаренко покинул колонию.

Вскоре появились очерки А. М. Горького «По Союзу Советов». В одном из них он изложил свои впечатления от колонии и нарисовал замечательный портрет А. С. Макаренко.

«Кто мог, — писал он, — столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? Организатором и заведующим колонией является А. С. Макаренко. Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты действительно любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он — суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из „идейных“. Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно и всюду попевает, все видит, знает каждого колониста. . . У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной голове. . . А. С. Макаренко умеет говорить детям о труде с тою спокойной, скрытой силою, которая и понятней и красноречивее всех красивых слов».¹

Горький познакомил широкую советскую общественность с талантливым педагогом Макаренко.

Не в меньшей мере, чем педагогическая одаренность, интересовали Горького в Макаренко и задатки художника. Он понимал, какое огромное значение для утверждения социалистической педагогики, для коммунистического воспитания молодежи имело бы художественное воспроизведение жизни созданных Макаренко коллективов. У Горького были основания верить в Макаренко как художника. Еще 17 августа 1925 г. он написал: «Ваше письмо привело меня в восхищение и тоном его и содержанием».² Должно быть, ему понравилось, как живо, образно воспроизводил Макаренко сценки из жизни колонии, как умело лепил образы колонистов, метко подмечал детали быта.

Потенциальные возможности Макаренко как художника отмечают Горьким и в очерке «По Союзу Советов»: «. . . знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера».³

¹ М. Горький. По Союзу Советов. «Наши достижения», 1929, № 2, стр. 26—27. А также: Собр. соч., т. 17, стр. 166, 167.

Незадолго до опубликования очерка в печати появилась первая большая статья о колонии и ее руководителе Макаренко: Н. Остроменцкая. Навстречу жизни. Колония имени Горького. «Народный учитель», 1928, № 1—2, стр. 42—77. М. Горький писал А. С. Макаренко: «. . . письмо Ваше получил вместе со статьей. . . читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости» (9 мая 1928 г. Собр. соч., т. 30, стр. 94).

² М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 437.

³ Там же, т. 17, стр. 166

В художественном даровании А. С. Макаренко Горький окончательно убедился после прочтения книги «Марш 30 года»: ¹ «... вчера прочитал Вашу книжку „Марш 30-го года“. Читал — с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой» (17 декабря 1932 г.).²

Горький убеждает Макаренко серьезно заняться литературной работой: «12 лет трудились Вы, и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете. Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд. Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой...» (30 января 1933 г.).³

В 1925 г. Макаренко начал писать «Педагогическую поэму», закончил вчерне I часть к 1928 г. В 1933 г. она была представлена Горькому. «Дорогой Антон Семенович — на мой взгляд, „Поэма“ очень удалась Вам, — писал Горький после прочтения рукописи. — Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о „командирах“ говорится много, но армии — не видно. Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Кураж?» (25 сентября 1933 г.).⁴

М. Горький понимал большое значение начатого Макаренко художественного полотна, поэтому он настойчиво призывал его писать дальше и быстрее: «... огорчен тем, что вторая часть „Педагогической поэмы“ Вашей „подвигается медленно“. Мне кажется, что Вы недостаточно правильно оцениваете значение этого труда, который должен оправдать и укрепить Ваш метод воспитания детей. Вы должны сделать что-то, чтоб „Поэма“ была кончена Вами и прочитана в момент организации новых коммун. Этим актом Вы поможете поставить дело правильно, как оно было поставлено в Кураже и в коммуне Дзержинского. Убедительно прошу Вас — напрягитесь и кончайте вторую часть „Поэмы“. Настаиваю на этом не только как литератор, а — по мотиву, изложенному выше» (июнь 1934 г.).⁵

М. Горький очень дорожил работой А. С. Макаренко над «Педагогической поэмой» и дружески журил его за то, что он отвлекается от основного дела: «... Сударь мой! Мне очень

¹ Единственной и к тому же ошибочной рецензией на книгу А. Макаренко «Марш 30 года» была статья Л. Гессен («Художественная литература», 1933, № 44, стр. 31—32).

² М. Горький. Собр. соч., т. 30, стр. 265.

³ Там же, стр. 281—282.

⁴ Там же, стр. 328.

⁵ Там же, стр. 350.

хочется обругать Вас. Вам бы следовало сначала довести до конца „Педагогическую поэму“, а потом уже писать пьесы. А Вы, по примеру литературных юношей, взявшись за одно дело и не кончив его, начинаете другое. Первое дело от этого — весьма страдает, а оно — важнее пьес. Значительно важнее! Ну вот, обругал. Легче мне стало? Увы, нет! Всего доброго. Крепко жму руку. М. Горький» (8 февраля 1935 г.).¹

Из этих писем видно, что Горький сыграл большую роль в создании «Педагогической поэмы». В значительной мере благодаря его настойчивости занятый основной работой Макаренко сумел написать книгу за столь короткий срок (II часть была завершена в течение 1934 г., а III — 1935 г.).

Их переписка показывает, что Горький помогал автору «Педагогической поэмы» глубже раскрыть идейно-тематический замысел книги. Более того, подметив сильные стороны поэтического дарования Макаренко еще в первой редакции первой части и указав на них, Горький тем самым помог ему ярче и сильнее выразить их во всей книге.

Получив от Макаренко рукопись I части «Педагогической поэмы», М. Горький писал: «... Не говоря о значении ее „сюжета“, об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен как нельзя более.» (25 сентября 1933 г.).²

Для выяснения поэтического своеобразия «Педагогической поэмы» очень ценен отзыв М. Горького на III часть книги: «Дорогой Антон Семенович — третья часть „Поэмы“ кажется мне еще более ценной, чем первые две. С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. „Соцвосовцев“ Вы изобразили так, как и следует, главы: „У подошвы Олимпа“ и „Помогите мальчику“ — нельзя исключать. Хорошую Вы себе „душу“ нажили, отлично, умело она любит и ненавидит... Вы спрашиваете, „как сохранить элементы стиля“ и т. д. Очень просто: ведите аккуратно ежедневную запись наиболее ясных мыслей, характерных фактов, словесной игры: удачных фраз, афоризмов, „словечек“. Пишите ежедневно хоть десяток строк, но так экономно и туго, чтобы впоследствии их можно было развернуть на две, три страницы. Дайте свободу Вашему юмору. Делая все это, Вы не только сохраните приобретенное работой над „Поэмой“, но расширите его. Напоминаю Вам сказанное в „Поэме“ о „чекистах“... Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ „Чекист“. Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить... Ну — что же? Поздрав-

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 30, стр. 378.

² Там же, стр. 328.

ляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю. М. Горький» (8 октября 1935 г.).¹

Горький отмечает мастерство Макаренко в изображении друзей и врагов, любовь к героическому и остроту его сатиры. Он опять-таки с похвалой пишет о юморе, видя в нем одну из главнейших черт поэтического дарования Макаренко.

Таким образом, письма М. Горького 30-х годов показывают, что он верно оценил стилистическое своеобразие «Педагогической поэмы»: ее полифоническое поэтическое звучание, гармоническое единство юмористических, сатирических, героических интонаций, скрепленных искренним лирическим голосом рассказчика.

Письма Горького при жизни Макаренко не публиковались. Тем значительнее становится факт, что «Педагогическая поэма» была с любовью принята советской общественностью. Широкие круги рядовых читателей, писатели, критики, педагоги оценили в ней как раз то, что с похвалой отмечал и Горький — ее идейно-художественное своеобразие, новаторский характер.

Знакомству советских читателей с книгой А. С. Макаренко способствовало новое издание «Педагогической поэмы».

После опубликования ее по частям в альманахах она была трижды издана Государственным издательством художественной литературы.² «Поэма» обсуждалась на читательских конференциях. Одно из таких обсуждений состоялось в Доме советского писателя. О «Педагогической поэме» говорили и писали в восторженных тонах и рабочие, и служащие, и учащиеся, и врачи, и учителя, и военные, и бывшие воспитанники колонии им. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. «Литературная газета» поместила на своих страницах две подборки читательских отзывов о книге.³

О том, что «Педагогическую поэму» восприняли как большое явление советской литературы самые широкие круги читателей, свидетельствуют отклики в рабочей печати, в областных газетах («Рабочий край», «Уральский рабочий», «Горьковская коммуна»).⁴

Вот что писали читатели:

«Я не помню книги, которая взволновала бы меня так, как „Педагогическая поэма“. Мне не стыдно сказать, что многие

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 30, стр. 403—404.

² А. С. Макаренко. Педагогическая поэма, ч. 1, ГИХЛ, М., 1934, 245 стр.; ч. 2, 1935, 206 стр.; ч. 3, 1936, 256 стр.

А. С. Макаренко. Педагогическая поэма, ч. 1 и 2. ГИХЛ, М., 1935, 508 стр.; часть 3, 1937, 292 стр.

А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. ГИХЛ, М., 1937, 631 стр. Издание 1937 г. было последним прижизненным изданием. В него автор внес некоторые изменения.

³ «Литературная газета», 30 мая, 1^а августа 1936 г.

⁴ «Рабочий край», Иваново, 15 июля 1936 г.; «Уральский рабочий», Свердловск, 23 июня 1936 г.; «Горьковская коммуна», 10 августа 1936 г.

места в этой книге вызывали у меня слезы. Так написать, как написал Макаренко „Педагогическую поэму“, может только человек, который не только пережил все описываемое, но и выносил все мысли в сердце своем, согрел теплом настоящей человеческой любви. Каждое слово дышит правдой и безыскусственностью. Сила художественной убедительности — именно в этой предельной правдивости».¹

«„Педагогическая поэма“ — несомненно большой и ценный вклад в советскую литературу. Сила книги в том, что вне Страны Советов немислим тот метод, которым Макаренко добился успеха своей работы...»²

Обобщая выступления читателей на вечере в Доме советского писателя, Я. Рошин говорил: «Нельзя было сомневаться в искренности тех, кто горячо и взволнованно говорил о „Педагогической поэме“ как о крупном художественном событии, как о явлении, которое потому и воздействует так сильно на читателя, что автор сумел показать живых людей, сумел образно запечатлеть моменты, типичные для нашей социалистической действительности».

«Резкие упреки почти всех выступавших были направлены по адресу Гослитиздата, не удосужившегося до сих пор выпустить повесть Макаренко массовым тиражом. Почему, действительно, „Педагогическая поэма“, так высоко расценивавшаяся А. М. Горьким, пользующаяся таким заслуженным успехом у читателя, до сих пор не издана в серии „Роман-газета“».³

В печать проникала незначительная часть читательских отзывов, поскольку к Макаренко шел поток писем.⁴

«Книга мужественная и честная... Суровая правда в ней совмещается с превосходным юмором...» (без подписи).⁵

«Из множества прочитанных мною книг очень немногие произвели на меня такое исключительное впечатление, как „Педагогическая поэма“. Художественная ценность этой книги в исключительной простоте и правдивости... Простым ясным языком книга рассказывает о величайшем деле строительства социалистического общества, деле перевоспитания людей. Сила книги в том, что автор не посторонний наблюдатель, а сам лично пережил, продумал и всей своей жизнью участвовал в великом творческом процессе переделки человеческих душ... книга заставляет волноваться и радоваться вместе с автором за ошибки и удачи

¹ Херсонский, инженер Электрозавода. «Литературная газета», 1 августа 1936 г.

² Докштейн, сотрудник Госбанка. «Литературная газета», 1 августа 1936 г.

³ «Литературная газета», 1 августа 1936 г.

⁴ Читательские отклики на «Педагогическую поэму», хранящиеся в Центральном государственном литературном архиве СССР (ЦГЛА, ф. 332), частично обобщены в кн.: Е. Балабанович. А. С. Макаренко. Госкультпросветиздат, М., 1951, стр. 149—154.

⁵ ЦГЛА, ф. 332, оп. 1, № 123, л. 74.

маленькой „республики” и вызывает величайшее чувство гордости за родину, за партию...» (Партийный работник).¹

Отзывы критики о «Педагогической поэме» появлялись в печати по мере выхода в свет ее отдельных частей. В них содержалась высокая оценка проблематики книги, отмечалось своеобразие художественного таланта А. С. Макаренко.

Одним из первых откликов на «Педагогическую поэму» явилась статья М. Цейтлина, напечатанная на страницах «Литературной газеты» в 1934 г.² Он отметил заслугу А. С. Макаренко, взявшегося впервые в советской литературе запечатлеть одну из «самых ярких и замечательных побед революции» — воспитание нового человека в колониях и коммунах, это «большевистское чудо», как о нем говорили за границей.

М. Цейтлин правильно понял не только политическое, но и эстетическое значение «Педагогической поэмы». Книга Макаренко, пишет он, «произведение большого жизненного опыта», большого художественного обобщения. «Автор повести весьма требователен к фактам. Он их умело отбирает, не перегружает ими книгу. Макаренко владеет материалом. Детали не захватывают его, он десятками и сотнями отбрасывает их, допуская в книгу лишь типическое и характерное». М. Цейтлин справедливо отметил остроту идейных конфликтов, правдивость книги.

С одобрением писал о I части «Педагогической поэмы» и Г. Ленобль в журнале «Молодая Гвардия», 1934, № 10, стр. 128—132.

Три статьи о книге Макаренко опубликовала в течение 1935—1936 гг. Б. Брайнина: «Поэма о педагогической интуиции», «Торжество человека», «Самая радостная перспектива».³

В них «Педагогическая поэма» рассматривается в ряду произведений русских писателей, освещавших тему воспитания детей в царской школе: Помяловский, Чехов, Короленко показывали, как уродует человека капиталистическая система воспитания, Макаренко же рассказывает о том, как изуродованного капиталистическим строем человека выпрямляет новая жизнь и участие в социалистическом труде. Б. Брайнина подчеркивала, что сила книги — в изумительной искренности автора.

Но все же эти первые отклики были не свободны от ошибок: и М. Цейтлин и Б. Брайнина упрекали А. С. Макаренко в недооценке значения педагогической теории, приписывали ему идеализацию стихийности, культ интуиции в воспитательной работе.

«Педагогическая поэма», оказавшаяся столь смелой в постановке и решении важнейших вопросов коммунистического воспи-

¹ ЦГЛА, ф. 332, оп. 1, № 122, л. 58.

² «Литературная газета», 10 мая 1934 г.

³ «Художественная литература», 1935, № 3, стр. 9—12; «Новый мир», 1935, № 10, стр. 261—266; «Литературная газета», 10 мая 1936 г.

тания, вызвала в печати полемику. Poleмика развернулась по вопросу об изображении педагогического коллектива, о «военизации» и «командирской педагогике», и главное — об отношении Макаренко к педагогическому наследию прошлого. Решение этих вопросов было очень важно, ибо речь шла о доброкачественности или ошибочности самого идейного содержания книги.

Надо сказать, что в тот период в педагогике еще сказывалось влияние буржуазной идеологии. Так называемая педология была осуждена партией в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», но педологические теории давали себя знать. Так, появилась в печати ошибочная статья М. Бочачера «Антипедагогическая поэма».¹ В ней была дана искаженная характеристика замечательного произведения А. С. Макаренко. Достаточно сказать, что оно было названо «художественным манифестом... против основ советского воспитания».

Против М. Бочачера выступили критики и педагоги. «У прочитавших только первую часть может сложиться впечатление, что автор не признает теории педагогической науки, что в вопросах воспитания он идеализирует самотек, интуицию, инстинкт. Но вторая часть, и особенно третья, рассеивают окончательно это впечатление. Читателю становится все более и более ясно, что автор мужественно сражается с псевдонаукой», — писала Б. Брайнина, признавая тем самым свои прежние просчеты в оценке «Педагогической поэмы».²

Эту же точку зрения разделял и В. Колбановский, который в течение 1935—1936 гг. два раза выступал в печати с анализом «Педагогической поэмы»: «Поэзия педагогики», «Еще о поэзии педагогики».³ Он сурово осудил метод заушательской критики рапповского толка, пытавшейся подойти к Макаренко с пресловутой формулой «союзник или враг».

В. Колбановского поддержала и К. Лаврова своей статьей «Под знаменем социалистического гуманизма».⁴

С положительной оценкой «Педагогической поэмы» выступил и В. Перцов. «... читатель, — писал он в рецензии на III часть „Поэмы“, — имеет теперь возможность разобраться в том, что автор „Педагогической поэмы“ пренебрегал — и не без основания — только неправильной, идеалистической теорией, тем более опасной, что на ней пытались поставить марку Наркомпроса».⁵

Среди статей и рецензий этого периода должна быть выделена статья Е. Златовой «Выпрямление человека».⁶ Она ценна

¹ «Книга и пролетарская революция», 1935, № 3.

² «Литературная газета», 10 мая 1936 г.

³ «Красная новь», 1935, № 10, стр. 190—202; «Красная новь», 1936, № 6, стр. 190—201.

⁴ «Книга и пролетарская революция», 1936, № 10, стр. 107—112.

⁵ «Литературное обозрение», 1936, № 9, стр. 6.

⁶ «Литературная учеба», 1936, № 11, стр. 140—151.

постановкой вопроса о взаимоотношениях описанного в книге коллектива со всем советским обществом. Е. Златова рассматривает «Педагогическую поэму» как произведение, в котором отразилась вся наша социалистическая действительность. Она правильно подчеркивает, что успехи Макаренко в создании коллектива и воспитании новых людей стали возможны только благодаря поддержке народа, помощи государства, руководству партии.

Но идейная близость колонистов со всем советским обществом, так отчетливо выраженная Макаренко, не всеми критиками была понята сразу. В ряде статей (А. Теплова,¹ Ц. Бану-Лахути,² В. Шербины³) содержались нарекания в адрес писателя, будто бы изобразившего русскую «робинзонаду». В «Педагогической поэме» усматривалась «борьба отважного человека против слепой стихии», «колонийский шовинизм».

Были статьи, снижающие значение «Педагогической поэмы» и как художественного произведения. Так, критик Ф. Левин⁴ несправедливо упрекал Макаренко в фактографии и художественном несовершенстве его произведения, бездоказательно писал о композиционной неслаженности «Поэмы», недорисованности характеров, калейдоскопичности действия. Не ограничиваясь этим, он добавлял: «да много еще можно было бы указать недостатков обеих книг» (речь идет о произведениях Макаренко и Н. Островского).

Критику Ф. Левину ответила Н. Четунова.⁵ Ее статья о «Педагогической поэме» остается и до сих пор одной из лучших. Н. Четунова впервые в критике поставила вопрос о традициях горьковского творчества в «Поэме» и проследила развитие в ней горьковских идей о человеке-творце, созидателе, деятеле. Вслед за Брайниной она рассматривает «Поэму» в плане развития жанра воспитательного романа в мировой литературе. Н. Четунова показала общность темы воспитания нового человека в «Поэме» и «Эмиле» Руссо, а также и коренное отличие в понимании «нового человека» писателями с разным мировоззрением, рожденными разными эпохами. Она подчеркнула, что произведения Руссо и Гете были утопиями, а книга Макаренко стала поэмой о нашей социалистической действительности.

Вместе с исследованием «Поэмы» в историко-литературном плане Н. Четунова дала конкретный анализ ее проблематики. Раскрыв новаторскую сущность художественной формы книги,

¹ А. Теплов. Педагогическая поэма (о I и II ч.) «Литературный критик», 1935, № 10.

² Ц. Бану-Лахути. О «Педагогической поэме» Макаренко. «Книга и пролетарская революция», 1936, № 11.

³ В. Шербина. Педагогическая поэма. «Октябрь», 1936, № 1.

⁴ Ф. Левин. Педагогическая поэма. «Литературное обозрение», 1935, № 2; «Литературный критик», 1936, № 10.

⁵ Н. Четунова. Педагогическая поэма. «Литературный критик», 1937, № 10—11, стр. 256—280.